

Какие ожидания «обмануты», или О природе противоречий и видах несоответствия в паремиях с союзом *а*

В русском паремиологическом своде есть немалое количество единиц, грамматическая организация и компонентный состав которых свидетельствуют о реализации ими значения несоответствия: *Ростом с Ивана, а умом с болвана* [Д]; *Горько плачет, а вприсядку пляшет* [Д]; *Мягко стелет, да жёстко спат* [Д]; *Богу молится, а чёрту кланяется* [ЗС]; *Боль без языка, а сказывается* [Д]; *Думала тёща пятаком не съест; а зять-то сел, да за причес стел* [Д]; *И сыта свинья, а всё жрёт, и богат мужик, а всё копит* [ЗС]; *Дай напиться, а то я три дня не ел и ночевать негде* [ЗС]. Если принять во внимание, что несоответствие понимается как отсутствие согласованности, равенства в каком-либо отношении [1, с. 641, 1236], то очевидно, что все эти паремии в своих содержательных аспектах отражают противоречие, обусловленное несогласованностью связанных между собой свойств, ситуаций и т.п. Пресуппонируемые ожидания согласованности являются при этом основанием для сопоставления признаков и представления их не только как противоположных друг другу (к примеру, *Ростом с Ивана, а умом с болвана* — ростом с Ивана, а умом ‘не с Ивана’), но и как исключających друг друга в определённом отношении (если ростом велик, то и разумом должен быть таким же, а не другим).

Н. Д. Арутюнова, обращаясь к анализу суждений о предпочтительности, выявляет несколько видов несовместимостей, трактуемых ею как причины взаимоисключённости событий, состояний, категорий: «1) прагматически обусловленную альтернативу, заданную природой мира и общества, 2) несовместимость, заданную природой мира и природой человека и проистекающую из представлений о добре и зле, о принципе справедливости и распределении благ, о совести, о вознаграждении за добродетели и возмездии за грехи и т.п., 3) логическую несовместимость ситуаций, обозначаемых противоречивыми суждениями — утверждением и его отрицанием» [2, с. 247]. Интересно проследить в связи с этим, в какой мере выделенные виды несовместимостей коррелируют с видами несоответствий, нашедшими отражение в паремиологических единицах

с данным синтаксическим значением. Одним из наиболее типичных средств выражения значения несоответствия в русском языке являются сложные сочинительные конструкции с союзом *а*, на материале которых и осуществляется настоящее исследование.

Сложные предложения со значением несоответствия не находят однозначного толкования в современных синтаксических описаниях, хотя не вызывает сомнения то, что значение несоответствия является инвариантным для целого ряда синтаксических конструкций, различающихся частными типовыми значениями, определяемыми соотношением денотативных структур. Подвергнув анализу существующие интерпретации отношений несоответствия в сложных конструкциях, исследователь А. М. Еримбетова предлагает определять эти отношения как «общий тип семантико-синтаксических отношений с широким кругом оттенков значения: от противительно-уступительных до противительно-ограничительных», замечая при этом, что наиболее типичными «являются конструкции, в которых второй компонент выражает некое реализовавшееся вопреки ожидаемому ‘обратное следствие’...» [3, с. 40]. В. З. Санников, не разделяя мнения других лингвистов о том, что в конструкциях со значением несоответствия содержание второй части противоречит «ожидаемому», «обычному», так как обозначаемое во второй части может быть вполне ожидаемым, предлагает интерпретировать отношения несоответствия посредством обращения к категории нормы: то, что обозначено во второй части конструкций, не соответствует норме, нормальному ходу событий, нормальному положению дел [4, с. 153]. Не находя существенной разницы между терминами «обычное» и «нормативное» в оценке хода событий (обычный = ‘привычный’ ход событий, на наш взгляд, и представляет собственно норму развития событий как «интуитивно ощущаемую закономерность» [5, с. 94; 2, с. 69]), полагаем, что и конфликт с пресуппонируемыми ожиданиями, и оценка хода событий шире — положения дел как ненормативного находят отражение в семантике выражений со значением несоответствия. Выяснению же

подлежит, каковы механизмы типизации этих отношений, что напрямую связано с определением категорий, которые сочетаются отношениями противоречия в структурах со значением несоответствия, и с определением самих видов несоответствия.

Предложения со значением несоответствия, несомненно, относятся к разряду суждений, эксплицирующих противоречие, обусловленное ожиданием как когнитивным фоном. Несмотря на то что в структуре этих предложений зачастую отсутствуют антонимичные номинации, конфликтность характеристик, лежащих в основе противоречия, обнаруживает себя вследствие антагонизма имплицитно представленной виртуальной ситуации, которая прогнозируется ситуацией, названной в левой части конструкции, и ситуации реальной, названной в правой части конструкции. Заметим, что наличие имплицитного звена, антагонизирующего с эксплицитным звеном, в конструкциях, реализующих противительные-уступительные отношения, подчёркивалось многими лингвистами и нашло отражение в академической грамматике [6, с. 624]. Так как прогнозируемость имплицитной ситуации задаётся первой частью конструкции и имеет различную мотивацию, то логично предположить, что существует тесная связь между типом ситуации, представленной структурным звеном предложения до союза *а*, характером ожидания и видом несоответствия.

Наблюдения показывают, что в качестве первой структурной части в русских пословицах со значением несоответствия могут выступать наименования трёх типов ситуаций: 1) ситуации действия, деятельности; 2) ситуации состояния; 3) ситуации проявления качества, свойства.

Если первая часть предложения-паремии номинирует ситуацию, являющую собой процессуально-событийный мир, то вторая часть также репрезентирована событийной пропозицией. Значительная группа русских пословиц, представляющих конструкцию с «я несоответствия», в качестве первого структурного звена содержит наименование ситуации деятельности человека либо отдельных физических действий человека, направленных на материальный объект, в качестве второго структурного звена — наименование ситуации появления, получения, обнаружения объекта, однако не того, к которому стремился человек, а другого, чаще всего совершенно непредсказуемого: *Сеяли рожь, а косим лебеду* [Д]; *Искал мужик ножа, а нашёл ежа* [Д]; *Метил в тетерю, а угодил в сук* [Д]; *Ладил мужичок челночок, а свёл на ухвёртку* [Д].

Если в пословице первая структурная часть представляет наименование ситуации активного физического действия субъекта, направленного

на пациенса, а во второй части пациент представлен как агенс, то такие пословицы служат типизации отношений несоответствия, обусловленных противодействием: *Ты впрягать, а она лягать* [Д]; *Хочешь оленя за рога поймать, а он в лес* [Д].

Первое структурное звено паремии может представлять и ситуацию состояния, а именно ситуацию собственно ожидания, ситуацию проявления желания, которое может быть сопряжено с определёнными действиями, направленными на реализацию намерений, а также ситуацию ментальной деятельности, связанной с обдумыванием перспектив развития событий. Второе структурное звено в таких конструкциях служит обозначению ситуаций, связанных с обретением, переживанием, достижением того, что не соответствует ожиданиям: *Ждали обозу, а дождались навозу* [Д]; *Хотели пировать, а пришлось горевать* [Д]; *Хотелось на коня, а досталось под коня* [Д]; *Хотелось мокрого, а взял сухого (о жеребьёвке)* [Д]; *Хотелось постричься, а довелось жениться* [Д]; *Думаешь так, а выйдет иначе* [Д].

Обращение к анализу семантики паремий-логических единиц, отражающих разрушение надежд, связанных с удовлетворением тех или иных житейских потребностей, позволяет прийти к выводу, что все эти единицы можно представить в виде полевой структуры, центр которой составляет не создающее образа и обладающее инвариантным значением выражение *Думаешь так, а выйдет иначе*. Образные же обозначения такого хода событий являются маркерами наиболее типичных ситуаций, в которых русский человек встречается с «обманутым» ожиданием — это, прежде всего, трудовая деятельность, поиск либо выбор необходимых объектов, реализация намерений по получению объекта в своё распоряжение. Практически все паремии, представляющие данное инвариантное значение, используются как сетования на неудачу, несчастливую долю, невезенье, злую судьбу, хотя, как только итог развития событий перемещается из зоны не зависящих от воли человека положений дел в зону намеренно либо невольно изменённого человеком хода события, оценочный фокус смещается на человека — неумелого, бестолкового, беспутного, своими действиями «выпадающего» из «правильной» картины мира: *Метил в ворону, а убил корову* [ЗС]; *Замахнулся на дуб, а срубил соломину* [ЗС]; *Запел соловьём, а свёл на кукареку* [ЗС] (ср. у В. Даля: *По-церковному запел, да на плясовую свёл*).

Такого же рода аномалии в поведении человека отражаются предположениями-паремиями, первая структурная часть которых служит обозначению ситуации однонаправленного движе-

ния, ориентированного относительно конечного пункта, а вторая — представляет итог движения, не соответствующий его направлению: *Ехал к Фоме, а заехал к куме* [Д]; *Ехал в Рязань, а заехал в Казань* [Д]; *Шёл в церковь, а попал в кабак* [Д].

Первое структурное звено паремий со значением несоответствия может содержать в своём составе наименование такого действия, которое человек предпринимает, чтобы избежать нежелательного положения дел. Обычно это глагольные номинации с семантикой уклонения, увиливания, преодоления трудностей, реже наименования эмоциональных состояний, эмоционально окрашенных отношений. Второе структурное звено в этом случае представляет не соответствующее надеждам и попыткам «корректировки мира» положение дел. Реализации отношения «препятствующего, но оказавшегося недейственным основания и совершающегося вопреки ему фактического следствия, противоположного ожидаемому» [7, с. 81], в таких предложениях-паремиях способствует, как правило, использование специализированных языковых средств — союзных слов с частицей *ни*: *Как ни вилляй, а не миновать Филей* [Д]; *Сколько ни тяни, а быть что надорваться* [Д]; *Как ни хорони концов, а выйдет наружу* [Д]; *Как ни бьёмся, а к вечеру напьёмся* [Д]; *Как ни ликовать, а беды не миновать* [Д]; *Сколько ни браниться, а быть помириться*. Экспликаторами данного значения могут являться устойчивые компоненты фразеосхем либо лексическое наполнение структуры предложения в целом: *Верти не верти, а надо умерти* [Д]; *Засыпь правду золотом, а она всплывёт* [Д]; *Ты от горя, а оно тебе встречу* [Д].

Примечательно, что предложения-паремии с исходом дел, не оправдывающим надежд человека на удовлетворение его желаний, отражают, тем не менее, присущие событиям и вообще любым «квантам» из потока происходящего» [2, с. 83] связи и отношения. Оценка степени закономерности их проявления может быть различной: «так уж случилось», «так бывает» на фоне «а хотелось иначе», «а должно было быть иначе»; «иначе и не бывает» (= «так и должно быть») на фоне «а хотелось иначе». Даже в том случае, когда исход дел мыслится как не соответствующий представлениям о должном развитии событий на других основаниях, в частности как не соответствующий представлениям о справедливости, должном распределении благ, выполнении обещаний, соблюдении приличия и т.п. (что также имеет отношение к удовлетворению потребностей человека, правда, косвенным образом), импликацию может составлять «так повелось», «такова жизнь», «и так бывает»: *Адам согрешил, а мы вздыхаем* [Д]; *Лошадь везёт, а на чай кучер получает* [ЗС]; *Медведь*

пляшет, а деньги цыгану дают [ЗС]; *Топор — топор сулил, а вытащили — и топорница жаль* [ЗС]; *Пусти его погреться, а он и на печь лезет* [ЗС]; *Пришёл узду просить, а заодно и лошадь* [ЗС]; *Я его выручил, а он меня выучил* [ЗС].

Таким образом, в сложных предложениях-паремиях, отражающих последовательную связь событий, противоречие, связанное с несоответствием, «не доходит до исключения одного члена другим, ибо оба они реальны» [8, с. 124], т.е., несмотря на мыслимое в идеале исключение того или иного исхода дел, отступления от нормы в жизни допускаются и, более того, они могут быть закономерными явлениями. Примечательно, что жизненные закономерности такого рода, как правило, негативно маркированы в сознании человека, что и доказывает наличие у паремий когнитивного фона «такого быть не должно», а также объясняет их употребление в качестве сетований, осуждений, рекомендаций смириться с несправедливостью и т.п.

Противоречие, однако, может проявить себя и в максимальной степени (заметим, что идея дифференциации слабого и сильного противоречия в конструкциях с противительными союзами уже находила отражение в лингвистической литературе [9, с. 255—257]), а именно в случае совмещения во времени не последовательных, а одновременных действий либо отношений, конъюнкция которых противоречит не только логике вещей, но и здравому смыслу. Положение дел в данном случае оценивается как крайне ненормативное — «такого быть не должно вообще» — и, соответственно, как крайне незакономерное, представляющее аномалию чудака, бестолочи, простофили, человека, совершающего нецелесообразные, бесполезные действия: *На дороге стоит, а дороги спрашивает* [Д]; *Стоит у воды, а пить просит* [Д]; *Есть ворота, а он забор ломает* [ЗС]; *Рот разинул, а не поёт* [ЗС]; *Рукавицы за поясом, а он их ищет* [ЗС]. Примечательно, что, если в структуре паремии наличествует при этом компонент, указывающий на обобщённость субъекта, положение дел мыслится также как крайне ненормативное, но закономерное: *Всяк правду любит, а всяк её губит*. В подобных паремиях норма вступает в конфликт с жизненными приоритетами человека, однако это не снимает противоречия, эксплицируемого сообщениями о фиксации фактов подобной коллизии.

Паремии со значением несоответствия могут отражать конфликт не только между «желаемым» и «получаемым», «нормативным» и «отклонением от нормы», но и между «выдаваемым за реальное» и «реальным», т.е. между мнимой ситуацией, описание которой используется для выражения скепсиса по поводу сокрытия факта, и реальным положением

вещей: *Не лазил козёл в городьбу, а шерсти клок покинул* [Д]; *Никто не ходил, а у девки дитя* [Д]; *Хмельного в рот не берёт, а на своих ногах шатается* [Д]. Алогичность содержания подобных паремий является лишь внешней, представляющей противоречие прямых смыслов, скрытые смыслы отсылают к тому, что было в действительности (к примеру, *Не лазил козёл в городьбу, а шерсти клок покинул* — 'лазил козёл в городьбу, оттого и шерсти клок покинул'). Следовательно, «онтологического» противоречия (термин С. В. Кондзасова, под «онтологическим» противоречием исследователь понимает несоответствие некоторой ситуации типичным или ожидаемым связям событий или состояниям в реальном мире [10, с. 204]) в такого рода паремиях, по сути, нет. Данное обстоятельство позволило нам прийти к выводу, что в паремиях с совмещением контрастирующих характеристик могут быть представлены разные по своей природе противоречия: реальные, относящиеся к миру, всему сущему и происходящему в нём, и речевые, относящиеся к способам представления знаний о мире в речи [подробнее о типах противоречия: 11, с. 119—120].

Аномалии могут проявлять себя не только во взаимодействии событий, но и во взаимодействии свойств. Следует отметить, однако, что граница между конструкциями со значением несоответствия, в которых и в первой, и во второй части обозначены событийные пропозиции, и конструкциями с соотносением пропозиций, связываемых с приписыванием объекту какого-либо качества, свойства, вынесением оценки, представляется размытой, поскольку некоторые собственно процессуальные характеристики являются в то же время и квалификативно-характеристическими: *Волосом сед, а совести нет* [Д]; *Сорок лет, а сорому нет* [Д]; *Мысли Наполеона, а душа заячья* [ЗС]; *С личика — яичко, а внутри — болтун* [ЗС]; *Красен, как майский день, а умом — пень* [ЗС]; *Борода Минина, а совесть глиняна* [ЗС]; *Под носом взошло, а в голове и не засеяно* [Д]; *Большой вырос, а ума не вынес* [М]; *На словах мягок да тих, а на деле злобен да лих* [ЗС]; *В могилу глядит, а над копейкой дрожит* [Д]; *Живёт с долгами, а щи ест с пирогами* [ЗС]. В подобных паремиях признак, обозначенный во второй структурной части, мыслится как не согласующийся с признаком, обозначенным в первой части, в силу того, что не оправдывает ожиданий, связанных с представлением о нормативной контаминации свойств (к примеру, *Волосом сед, а совести нет* — если человек сед, то у него должна быть и совесть; *Мысли Наполеона, а душа заячья* — храбрость и трусость контрастны, их совмещение разрушает представление о равновесии признаков внутри некоего целого).

Обычно тематическим субъектом, носителем несогласующихся свойств, в таких паремиях является человек. Характеризация человека может осуществляться как непосредственно (*Молодец на овец, а на молодца и сам овца* [Д]), так и опосредованно: а) по исключению из класса (*Мужик не пивовар, а пиво варит; денег не куёт, а займы даёт* [Д]); б) по неотчуждаемым либо отчуждаемым объектам обладания (*Борода апостольская, а усок дьявольский* [Д]; *На брюхе шёлк, а в брюхе щёлк* [ЗС]); в) по умениям, способностям (*Хлеб ест, а креститься не умеет* [Д]), г) по характеру осуществления действий (*Глядит вдоль, а живёт поперёк* [Д]).

Контрастность свойств усиливается, как правило, тем, что они представляют разные полюса аксиологической оценки: *Сердце соколье, а смельство воронье* [Д]; *По бороде Авраам, а по делам Хам* [Д]; *Гроши не стоит, а выглядит рублём* [ЗС]; *Поёт соловьём, а рыщет волком* [ЗС]; *Богат, как Крész, а живёт, как пёс* [ЗС]. Несмотря на бытующее мнение о двойственности человеческой природы, факт контаминации положительных и отрицательных свойств у человека в предложениях-паремиях со значением несоответствия осмысливается как аномалия, косвенным свидетельством чего является то, что позитивная оценка, сопряжённая с некоторой степенью гиперболизации, обычно уничижительна, а итоговая оценка носителя положительных и отрицательных свойств, как правило, негативна. Общая позитивная оценка может быть только в случае, если положительные свойства представлены как компенсирующие отрицательные: *Хоть он и свинья, а всё-таки человек* [Д]; *У бедного шуба овечья, а та же душа человечья* [Д].

Контрастирующими могут быть и градуально-количественные признаки, характеризующие человека: *Борода с ворота, а ума и с прикалиток нету* [Д]; *Борода с лопату, а ума кот наплакал* [Д]; *Мужичок с ноготок, а борода с локоток* [Д]; *Сам с пядь, а борода с локоть* [Д]; *Сам с нос, борода с воз* [Д]; *Волос долг, а ум короток* [Д]. Совмещение антагонизирующих признаков «большое» и «малое», «много» и «мало», как наиболее наглядный вид несоответствия [см. об этом 2, с. 81], может быть использовано для оценки не только внешних, но и внутренних качеств человека, а нередко для указания на аномалию, связанную с их рассогласованностью: *Глаза что площадки, а не видят ни крошки* [Д]; *У криво-го один глаз, а видит больше нас* [Д]; *Голова что чан, а ума ни на капустный кочан* [Д]; *Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего* [Д]; *Молодец с воз, а ума с накопильник нет* [Д].

Несоответствие характеристик, наличие одних характеристик вопреки наличию других отмечается не только для человека, но и для множества других объектов, так или иначе связанных с человеком: *Палка нема, а даст ума* [Д]; *Пуля дура, а виноватого найдёт* [Д]; *Правда прямо идёт, а ни обойти её, ни объехать* [Д]; *Бедность не грех, а до греха доводит* [Д].

Ряд паремий отражает жизненные противоречия, обусловленные несоответствием, в весьма своеобразной форме — посредством сопряжения отношениями контраста близких и даже тождественных по значению слов: *Велик свет, а всё тесен* [Д]; *Людей много, а человека нет* [ЗС] (ср. аналогичные паремии с союзом *да* — *Друзей-то много, да друга нет* [Д], *Много женихов, да суженого нет* [Д]). Такие паремии, по мнению Т. Г. Бочинной, «характеризуются неоднозначным сочетанием шутки и глубокого философского содержания» [12, с. 33]. Логичность подобного рода оппозиций исследователь объясняет нетождественностью значения синонимов, контекстуально обусловленной разнообъёмностью понятий, а паралогичность — наличием интегральных компонентов значения у слов, сопряжённых отношениями контраста [12, с. 32—33].

Одной из наиболее регулярных смысловых моделей, отражающих совмещённость противоречащих друг другу признаков, является модель, в которой тот или иной объект реальной действительности получает характеристику по отрицанию тождества, а по существу, отрицанию подобия с другим объектом вопреки обладающему сходным с данным объектом признаком: *Слово не стрела, а к сердцу льнёт (пуще разит)* [Д] (Слово ‘не подобно стреле’, а ‘подобно стреле’); *Царь не огонь, а ходя близ него опалишься* [Д]; *Брань не запас, а без неё ни на час* [Д]; *Кнут не дьявол, а правду сыщёт* [Д]. В таких предложениях-паремиях, на наш взгляд, противоречие кроется уже в самой процедуре сопоставления, эксплицируемой «приведением в предикативную связь слов, которые обозначают чаще всего семантически далёкие, как бы логически несопоставимые [...] понятия» [13, с. 177], именно по этой причине без указания на искомый признак логические основания сопоставления не ясны. Однако экспликация этой «нелогичной» процедуры сопоставления и составляет основу своеобразной игры смыслов, служащей созданию запоминающегося образа, за которым стоит ценностно значимая характеристика того или иного объекта реальной действительности.

Игра смыслов наблюдается и в паремиях с несоответствием мнимой оценки и реальной, с выраженным внешней структурой утверждением и отрицанием одного и того же призна-

ка: *Богат Мирошка, а животов — собака да кошка* [Д]; *Добро-добро, а голова набекрень* [Д]; *Добро-добро, а ноги кривы* [Д]; *В умницы попал, а из дураков не вышел* [Д]; *Что ни дальше, то лучше, а не наплачешься* [Д]. Это тоже своего рода «обманутое» ожидание, обусловленное использованием в первой части паремии иронического, т.е. «фальшивого», языкового кода (богат = ‘не богат’, добро = ‘не добро’ и т.д.), свидетельствующего о намеренной паралогизации суждения [6, с. 99; 2, с. 39; 3, с. 120].

В первой части паремий со значением несоответствия может обозначаться и такое положение дел, с которым человек смиряется, несмотря на негативные характеристики того, с чем приходится мириться, игнорируя свои притязания на лучшее: *Жить — мучиться, а умереть не хочется* [Д]; *Горько, горько, а ещё бы столько* [Д]; *Тошно, горько, а день сыты будем* [Д]; *Деньги склока, а без них плохо* [Д]. В таких паремиях наблюдается рассогласованность итога аксиологической оценки и выбора, совершаемого вопреки пресуппонируемым представлениям о соответствующем здоровому смыслу предпочтении хорошего плохому. Примечательно, что эта рассогласованность свидетельствует о противоречии норм (отсылающих к идеальной модели мира) и жизненных предпочтений, так как выбор совершается вопреки основаниям, в соответствии с которыми человек должен регулировать своё поведение.

Итак, как показали наши наблюдения, русские паремии со значением несоответствия представляют определённый набор событийных и логических пропозиций, в которых проявляется та или иная рассогласованность, а именно:

1) действие (процесс, состояние), направленное на достижение желаемого, соответствующее представлениям о закономерно следующем ожидаемом результате, и фактическое следствие, не соответствующее желаниям, надеждам;

2) действие (процесс, состояние) и его следствие, не соответствующее представлениям о должном исходе дел;

3) действие (процесс, состояние), направленное на изменение ожидаемого в норме исхода дел (преодоление закономерности), диктуемое той или иной потребностью, и последующее положение дел, не соответствующее удовлетворению потребности, но соответствующее обычному исходу дел;

4) действие (состояние, отношение) и протекающее независимо от него и одновременно с ним другое действие (состояние, отношение), не соответствующее представлениям о совместимости данных действий (состояний, отношений) с точки зрения здравого смысла;

5) проявление качественного (квантитативного) признака и проявление другого качественного (квантитативного) признака, не соответствующего представлениям о нормативной контаминации свойств;

6) отсутствие тождества объектов и проявление у одного из объектов общего со вторым объектом качественного признака, не соответствующего представлениям о должном отсутствии этого свойства;

7) проявление качественного признака у объекта и отношение к этому объекту, не соответствующее отношению к объектам, обладающим таким признаком.

Царемии с отрицанием факта и утверждением наличия его следствия, приписыванием признака объекту и отрицанием наличия этого признака представляют противоречие речевого, а не онтологического характера, так как такие царемии отражают несоответствие положения дел логике вещей и здравому смыслу только при игнорировании того, что высказывание имеет скрытый смысл. Эксплицируемое внешней структурой высказывания несоответствие тезиса его аргументу, оценки её основанию связано с намеренным нарушением законов формальной логики, интуитивно осмысляемых как правила организации суждений в соответствии с критериями истинности и непротиворечивости.

Предтекстовой установкой для всех предложений-царемий со значением несоответствия является установка на ожидание согласованности. Ожидания согласованности характеризуются различной мотивацией, т.е. они могут быть вызваны: 1) представлениями о желаемом, об удовлетворении той или иной потребности; при этом удовлетворение потребности может соответствовать жизненным закономерностям, т.е. нормальному исходу дел (к примеру, желание получить урожай в норме сопровождается получением урожая), либо не соответствовать им (к примеру, желание жить вопреки неизбежности смерти обычно тщетно); 2) представлениями о нормативном ходе событий вне очевидной связи с потребностями; 3) представлениями о нормативной контаминации свойств, присущих тому или иному объекту реальной действитель-

ности; 4) представлениями о нормативных способах конструирования сообщений.

Констатация факта отсутствия согласованности вопреки пресуппонируемому ожиданию согласованности и выявляет противоречие, при котором «обманутыми» могут оказаться следующие ожидания:

-- ожидание исполнения желания; надежд на достижение намеченного, согласующегося с обычным исходом дел;

— ожидание преодоления жизненных закономерностей, удовлетворяющего ту или иную потребность;

— ожидание должного развития событий, согласующегося с логикой вещей и принятыми в обществе нормами и конвенциями;

— ожидание соответствующего норме совмещения во времени действий либо положения дел и действия;

— ожидание нормативной контаминации свойств;

— ожидание непротиворечивого способа выражения мысли.

В целом обманутые ожидания, представляющие реальные противоречия, могут быть связаны, во-первых, с прагматически обусловленным несоответствием, т.е. несоответствием желанием человека, появляющимся вопреки наличию жизненных канонов или в соответствии с ними; во-вторых, с канонически обусловленным несоответствием, т.е. несоответствием, обусловленным наличием «укоренившихся представлений» [2, с. 249] о должном развитии событий, контаминации свойств. Обманутые ожидания, представляющие речевое противоречие, связаны с логическим видом несоответствия—несоответствием суждения законам формальной логики. Таким образом, факт очевидной корреляции видов несовместимостей, выделенных Н. Д. Арутюновой при анализе суждений о предпочитаемости, и видов несоответствий, представляющих обманутые ожидания, налицо. Данный факт объясняется обращением человека в ситуации совершения выбора и при оценке всего сущего с позиций поиска равновесия к представлениям, имеющим аналогичную мотивацию.

Список использованной литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2001.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М. : Языки русской культуры, 1999.
3. Еримбетова, А. М. Сходство и различие: языковые формы выражения компаративных отношений : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол наук: 10.02.19 / А. М. Еримбетова; Казахский нац. ун-т им. аль-Фараби. — Алматы, 2002.
4. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников. — М. : Наука, 1989.
5. Булыгина, Т. В. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. — М. : Наука, 1990. — С. 94 -107.

6. Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980—1982. — Т. 2 : Синтаксис. — 1982.

7. Теремова, Р. М. Поле уступительности в русском языке / Р. М. Теремова // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций : межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т. — Л., 1988.

8. Перетрухин, В. Н. Проблема синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 1979.

9. Янко, Т. Е. Ещё раз о союзах *а* и *но* / Т. Е. Янко // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. — М. : Наука, 1990. — С. 246—258.

10. Кондзасов, С. В. Интонация контраста и противоречия / С. В. Кондзасов // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. — М. : Наука, 1990. — С. 203—212.

11. Ничипорчик, Е. В. Обращение к противоречию как приём выражения негативной оценки / Е. В. Ничипорчик // Язык и социум: материалы VII Междунар. науч. конф., г. Минск, 1--2 дек. 2006 г. : в 2 ч. / под общ. ред. Л. Н. Чумак. — Минск : РИВШ, 2007. — Ч. 1 — С. 119—122.

12. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т. Г. Бочина; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2003.

13. Рославец, Я. И. Двусоставные предложения с именительным предикативным существительным без связки / Я. И. Рославец // Вопросы грамматического строя современного русского языка. — М., 1972. — С. 149—182.

Принятые условные сокращения:

Д — Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. — М. : Эксмо, ННН, 2005.

ЗС — Зилин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зилин, А. С. Спирын. — М. : Сюита, 1996.

С. А. Руткевич, доцент Полесского государственного университета,
кандидат филологических наук

Производные с фразеологической семантикой от топонимов Беларусь, Литва, Польша

В русском языке есть одно- и двусловные нарицательные имена (обозначения) с фразеологической семантикой, прямо или опосредованно образованные от имён собственных — названий стран, регионов.

Такие лексические и синтаксические дериваты могут быть: исконными (*тальянка*, *китайка*, *голландский сыр*...) и заимствованными (*крепдешин*, *апельсин*, *падеспань*...); общеупотребительными (*шведский стол*, *шведская стенка*, *шотландка*...) и ограниченного употребления (*шорвеги* — вид коньяков, *бразилин* — красящее вещество, получаемое из дерева фернамбука...); однозначными и многозначными (*китайка* — 1) плотная, преимущественно синяя ткань, первоначально шёлковая, вывозившаяся из Китая; хлопчатобумажная, производившаяся в России, 2) морозоустойчивый вид яблони с мелкими плодами; *шведка* — 1) род трикотажной фуфайки для гимнастики, 2) низкорослая быстрая выносливая лошадь северной породы, 3) небольшая муха, вредитель злаков, 4) шведская корона, 5) бензопила шведского производства).

Некоторые из таких номинативных единиц вышли из активного употребления: *бритшигум* — британская камедь, получаемая нагреванием кукурузного крахмала; *сибирка* — 1) короткий кафтан в талию, со сборами, без разреза сзади и со стоячим воротником, 2) бумажный денежный знак, выпускавшийся в период Гражданской войны в Сибири. С другой стороны, совсем недавно вошли в русский язык такие обозначения, как *афганец* (участник военных действий в Афганистане в составе советских войск в период с 27.12.1979 по 15.02.1989), *евро*, *болгарка* (угловая шлифовальная электрическая машина, может использоваться как дисковая пила).

Ономатемы (см. *шпанка* — *шпанская мушка*) с фразеологической семантикой — в отличие от названий жителей страны, от обозначений типа *англицизм*, *германизм*, *японизм*, *китаеведение*, *прогерманский*, *трансиранский*, *англомания*, *руссофобия*, от соответствующих относительных прилагательных в свободных словосочетаниях — требуют от носителя русского языка основательного владения теми фоновыми знаниями, без которых невозможна адекватная